

Лемещенко П.С. Ментальность и русские проекты: возможности и ограничения // Философия хозяйства. Альманах ЦОН экономического факультета МГК. Спецвыпуск. – Москва- Иваново, 2015 . – С. 83-89.

П. С. ЛЕМЕЩЕНКО
Ментальность и русские проекты:
возможности и ограничения

Аннотация. В статье анализируются основные свойства экономической российской ментальности, их генетика, историческая эволюция и противоречия. Предлагается карта экономической ментальности народов различных стран, включая Россию, Беларусь и Украину. Выдвигается положение об основном противоречии современной рыночной реформы, как противоречии между ментальностью, хозяйственной культурой, другими неформальными институтами и политико-правовыми, организационно-административными нормами и другими формальными институтами. Таким образом, именно ментальные свойства русского народа выступают источником и ограничителем социально-экономического развития.

Ключевые слова: экономическая ментальность, хозяйственная культура, зависимость от предшествующего исторического развития, формальные институты, противоречие между неформальными и формальными институтами.

Abstract. The article analyses the basic properties of the Russian economic mentality, their genetics, historical evolution and contradictions. Offers a map of economic mentality of the peoples of different countries, including Russia, Belarus and Ukraine. Extends the regulations on the main contradiction of the modern market reforms, as the contradiction between the mentality, economic culture, other informal institutions and the political-legal, organizational and administrative regulations and other formal institutions. Thus, it is the mental properties Russian people are the source and limiter socio-economic development.

Keywords: economic mentality, economic culture, the dependence of the preceding historical development, formal institutions, the contradiction between the informal and formal institutions.

Любой российский проект вызывает не только в самой стране, но и во всем мире огромный резонанс. Скорее всего, такая острота обсуждений и участия (тайных и явных) связана не столь с огромной территорией, богатством природных ископаемых, привлекающих к себе внимание крупных геополитических игроков, сколь с иным типом цивилизации, в котором ментальность выступает основной доминирующей характеристикой. Так называемые «чистые экономисты» (неоклассика), которые сегодня наиболее влиятельны в части рекомендаций проводимых реформ, пожалуй, своими универсальными оценками относительно уровня рациональности субъектов хозяйствования, норм поведения, стимулов и пр. выдают желаемое за действительное, не отражая истории и реальности хозяйственного бытия, социально-экономического пространства, климата, времени, нравственно-этических норм и прочих компонентов человеческого поведения. «Они не такие», а «мы – другие» и в этом одна из причин традиционных разногласий, выливающиеся в серьезные конфликты не только между

Западом и Востоком, но и внутри России, многих бывших стран СССР. В острой риторике «западников» и «славянофилов» мало что поменялось в содержании дискуссии. Фактом же является лишь то, что два с половиной десятка лет весьма «решительных реформ» в постсоциалистических странах не дали не только заметных результатов с точки зрения *общего благосостояния стран*, к чему как бы стремились, но даже разрушили их потенциал для будущего социально-экономического развития. Речь идет в том числе о реальной национально-государственной независимости, независимости валютной, технологической, всплеска развития культуры, языка и пр.

Постсоветским исследователям характерен весьма прямолинейный и шаблонный поиск ответа на вопрос как сделать национальные экономики более эффективными: в более развитых странах найти лучшие институты, организации и импортировать их в свои национальные системы как «образцовые». Но по истечении времени, а почти три десятка лет это уже вполне экспериментально доказуемый период, оказывается, что внедренные за короткий период времени формальные институты и правила в экономиках «работают» далеко не так эффективно как предполагалось. Оказалось, что культура и история страны имеет, по сути, первостепенное значение и для экономического благосостояния. Но мышление человеческое легче воспринимает и изучает то, что на поверхности, что легче усвоить сначала визуально-явленческом уровне. Весь же спектр неформальных отношений и их влияние на экономические процессы более глубоки и поэтому более скрыты, но менее поддающиеся количественному измерению. Следовательно, и влияние последних в отличие от математическо-формализованных выводов и аргументов тоже менее убедительное. Так уж сформирован аналитический аппарат на текущий период. Руководитель фирмы заинтересован производством (в лучшем случае) и извлечением денег, а для политика надо доказать, что, например, увеличение расходов из бюджета на 2% на культуру принесет не менее тех же процентов ВВП. Власть денег стала фанатично определяющей.

Но значимость неформальных правил обусловлена тем, что именно последние определяют систему страны, ее ген и основу. К тому же одни и те же формальные институты в каждом обществе приводят к различным последствиям из-за тех же разных ментальных свойств и сложившихся отношений. После распада СССР появилось огромное количество исследований, посвященных быстрому внедрению (трансплантации) формальных институтов: это требовали реформаторы с их, надо отметить, неискренними мотивами изменить страны к лучшему. Главное – ликвидировать старое советско-социалистическое наследие. Поэтому главное внимание исследователи уделяли не каким образом и как, например, политическое устройство, судебная система, законодательная и

избирательная система и прочие формальные институты определяют и влияют на течение всех сторон политико-экономической жизни и на поведение людей, а где и какие институты более результативные. Тональность и методологическую заданность при этом задавали разного рода фонды, комитеты, комиссии более развитых западных стран. К неформальным отношениям и институциям начали более внимательно относиться в реформирующихся странах сравнительно недавно, когда потребовалось более глубокое осмысление по стандарту проводимых реформ и итогов приватизации, либерализации.

Термин «ментальность» впервые ввел в научный оборот французский философ, социолог, этнограф Л. Леви-Брюль в 1922 г. в работе «Первобытное мышление». На его работы оказало сильное влияние труды Дюркгейма о «коллективном представлении». Применял он его с уничижительным оттенком и воспринимался как сознание первобытных людей, детей, а также «простецов» противостоящих «высоколобым творцам». Центральной особенностью менталитета считалось его нечувствительность к социальным и логическим противоречиям, зафиксированным в преданиях, мифах и сказаниях. Говоря языком Фрейда, менталитету присуще амбивалентность. Как научная категория «ментальность» была впервые разработана исторической школой «Анналы экономической и социальной истории». Именно эта школа увидела в менталитете систему образов и представлений различных социальных групп, в которых все элементы тесно связаны друг с другом и «помогают друг другу» в регулировании поведения людей. Причем на разных этапах своего развития содержание этой категории менялось. Школа «Анналов» прошла в своем становлении и развитии несколько этапов. Если систематизировать взгляды авторов школы «Анналы», то перво разработчики категории «ментальность» (от позднелат. *mentalis*, где лат. *mentis*-ум, *alis*-другие; от франц. *mentalite*, - образ мышления) понимают под ней систему образов, которые лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в нем, тем самым определяя мысли, поведение и поступки людей. Это значит, что у каждого общества есть общий психологический стержень, который позволяет всем его членам воспринимать окружающие вещи и явления более или менее одинаково, т.е. ментальность – это не просто набор характеристик, а целостная система взаимосвязанных качеств, закладывающая в основу поведения людей общее основание. Также следует отметить, что, несмотря на разнообразие исследований на эту тему в рамках этой школы, в основном исследования имеют психо-биологическую окраску. Подводя итог развитию категории «менталитет» можно сделать вывод, что хотя сейчас в западной мысли проводятся попытки синтезировать и интегрировать различные научные подходы и объединить общенаучные позиции (К. Бюлер, В. Фон Гумбольдт, А. Вежбицкая, М. Коула), все равно

единого общенаучного определения менталитета, его функций, особенностей пока не существует. Одни считают, что менталитет – «психологическая оснастка» единой социальной общности («Анналы»), другие – коллективное бессознательное (К. Юнг, В. Кантор), третьи видят в менталитете не связь с бессознательным, а, наоборот, с сознанием человека (П. Динцельбахер). *Итак, в западной науке менталитет – нечто общее, то, что лежит в основе как сознательного, так и бессознательного, логического и интуитивного, рационального и эмоционального.* Менталитет является глубинным, трудно фиксируемым источником мышления и эмоций. Это понятие тесно соприкасается с феноменом национального разнообразия и различиями в траектории развития разных стран и народов. Именно менталитет и определяет зависимость или эффект «исторической обусловленности» в развитии той или иной страны.

Нельзя сказать, что в советское время не понимали смысла и значения данной категории. Конечно, бытовал определенный империализм, который влиял на понимание и формирование особенностей и отличий республик, входивших в СССР. То, что вторым секретарем ЦК союзной республики был, как правило, выходец из республики, свидетельствовало о понимании союзным руководством национального вопроса в «деле социалистического и коммунистического строительства». Более того, конец 70-х и начало 80-х годов знаменуются качественно (!) новым этапом строительства «развитого социализма», поскольку, как было зафиксировано в партийных документах, сформировалась новая историческая общность – «советский народ» с его новыми социально-психологическими особенностями. О том, что так это или нет, вопрос будет неоднозначным в ответе, но когда в начале 90-х годов прошлого столетия проводили опрос относительно целостности СССР, все же более 80 % ответили положительно на желание сохранить эту организационно-политическую организацию. Наверное, и сознательно, и интуитивно понимали не только историческое прошлое, но и некое свое перспективное будущее, которое в разных интеграционных формах пытаются воссоздать.

В постсоветских странах целенаправленно исследования на тему ментальности активизировались лишь с распадом СССР и необходимостью поиска своего собственного пути развития.

У истоков изучения особенностей российского народа стоят такие мыслители, как Владимир Мономах, Нил Сорский, Г. Сковорода. Большой вклад в разработку проблемы своеобразия русского народа внесли П.Я. Чаадаев, А.С. Хомяков, В.С. Соловьев, В.О. Ключевский, Н.А. Бердяев, Ф.М. Достоевский, Н.О. Лосский, К.Д. Кавелин, П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Д.Н. Овсянко-Куликовский. Эти мыслители конца XIX – XX веков в своих трудах занялись анализом противоречивых сторон русского характера, что и

составляет особую, специфическую черту его ментальности. Они занимались разгадкой русской души.

Возможность диалога и обсуждения проблемы ментальности была представлена на международной конференции в 1989 года в Москве «Школа «Анналы»: вчера и сегодня». А в 90-х в журнале «Вопросы экономики» была организована дискуссия на тему российской ментальности. В ней принимали участие Г.Д. Гачев, И.К. Пантин, А.С. Панарин. Это позволило возродить интерес к исследованию проблемы менталитета и его влияния на различные стороны общественной жизни. Создание единой концепции менталитета была предпринята журналом «Вопросы философии». Это нашло отражение в ряде диссертаций М.Ю. Шевякова («Менталитет: сущность и особенности функционирования»), М.А. Шенкао, В.М. Сторчак («Архетип и ментальность в контексте религиоведения»), Ф.Т. Аутлевой («Ценностно-нормативные ориентиры русского менталитета»), Г.А. Орлова («Российская бюрократическая ментальность»), А.И. Грищук («Философский анализ ментальности: содержание и методы исследования»), Э.А. Корнейчук («Менталитет: истоки и исторические формы») и т.д. Тем не менее, эти исследования так и не смогли выработать единой позиции по сущности данной категории и ее содержания. Одни рассматривают ментальность как систему способов оценивания (М.Ю. Шевяков), для других ментальность – это комплекс устойчивых свойств индивидов (Ю.Б. Смирнов «Эволюция и особенности ценностно-нормативных западноевропейской и российской ментальности» и Ф.Т. Аутлева). Ряд исследователей связывают ментальность с этнической составляющей, этническим самосознанием (М.М. Балыков, В.П. Уланов, О.В. Рядов).

Подобные прикладные исследования начали активно проводиться в постсоветских странах. Некоторые элементы исследований духовных характеристик белорусского народа можно найти еще в 16 веке. Так знаменитая поэма Николая Гусовского «Песня про зубра» содержит описание духовных особенностей белорусского народа. В 19-первой половине 20 века многие историки, этнографы в своих трудах затрагивали вопрос историко-культурного наследия белорусов: М. Довнар-Запольский, М. Никифоровский, П.В. Шейн, Е.Ф. Карский (отец белорусской этнографии), Ф.Ф. Федоровский, А.А. Смолич, В.У. Ластовский. Они изучали помимо истории и языка, национальные особенности белорусского народа и те общие черты, которые характерны именно для этого этноса и отличают его от других народов. С помощью этих исследований пытались обосновать путь развития белорусского народа и белорусской государственности.

В Республике Беларусь также на современном этапе проводятся исследования на эту тему. Достаточно много работ можно найти в журнале «Социология» (В.В. Кириенко,

Е.С. Лученкова, Р.А. Смирнова, Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, Д.Г. Ротман, И.В. Котляров и т.д.). Важное место в исследованиях занимает изучение славянского менталитета (Е.М. Бабосов, А.В. Горский, И.В. Котляров, В.В. Кириенко, В.В. Козловский, А.В. Коршук, Ю. Чернявская). Подводя итоги развития и исследования данной категории, можно сделать вывод, что все работы и на Западе и в постсоветских странах при разработке данной категории разделяются условно на три подхода.

1) Культурологическое направление. Представители данного направления рассматривают ментальность как совокупность представлений и воззрений людей, проживающей на одной территории и в определенную эпоху. Ментальность определяется как коллективное сознание, опосредованное социальной средой.

2) Психологическое направление. Менталитет – это система взглядов, оценок, раскрывающихся на индивидуальном уровне и основывающихся на бытующих в определенном обществе знаниях, традициях и верованиях. Важно чертой менталитета является то, что он задается архетипами коллективного бессознательного.

3) Социологическое направление. Ментальность рассматривается как исторически обусловленные социальные настроения и установки, сложившиеся в конкретных условиях. Менталитет определяет опыт и поведение, как индивида, так и социальных групп.

Основными свойствами менталитета, таким образом, характерными для всех направлений и определяющими саму его сущность, являются:

- 1) Латентность – скрытость от непосредственного наблюдения;
- 2) Константность – устойчивость и воспроизводимость в любых условиях, в том числе и кризисных;
- 3) Амбивалентность - двойственность, противоречивость проявления;
- 4) Взаимосвязанность и агрегатность – проявление в качественной системности характеристик менталитета;

Вне зависимости от конкретного направления общепринятыми характеристиками ментальности являются: а) обобщенный и абстрактный признак, который усредняет все индивидуальные признаки и превращает общество в примерно однородную массу; б) это – результат исторического развития общества; в) это наиболее скрытая, глубинная, неотфлексированная часть общественного сознания, основанная на бессознательных и подсознательных механизмах; г) это – скрытые ценностные взгляды и ориентиры в оценке картины мира, стереотипов сознания; д) это – устойчивая характеристика, которая очень медленно подвергается изменению и является одним из главных детерминант любого другого поведения людей.

При всем разбросе мнений относительно зарождения и характеристик российского менталитета все же можно выделить некоторые закономерности в формировании «русской души» или его характера «русскости». Ведь даже несмотря на порой очень крутые повороты в российской истории, резкие смены вектора политико-экономического развития, можно увидеть определенные черты, которые были присущи российскому народу на всех этапах его развития. Это своего рода основная база, которая объединяет все социальные слои российского общества. На протяжении всей истории эта база (или основная доминанта) могла модифицироваться, отшлифоваться, но базовый набор специфических качеств оставался тот же. Наличие общих характеристик обусловлено, скорее всего, тем, что они сформировались еще во время зарождения российской нации, и передавалось на генетически-социальном уровне.

Зарождение и становление российского менталитета прошло несколько этапов, которые надо рассматривать с точки зрения наиболее яркого проявления народных черт.

- 1) Протоэтап. На данном этапе еще не существует российский народ как отдельная самостоятельная нация, но именно те сообщества людей, чьи потомки впоследствии станут российским народом, уже несут в себе в определенной мере основные базовые характеристики, которые со временем станут доминантными.
- 2) Формирование Московского княжества. В этот период российский народ только начал осознавать себя целостным сообществом, уже неся в себе определенные специфические черты.
- 3) Времена Российской империи. В этот период у российского народа уже сложился свой особый менталитет. И, несмотря на достаточные резкие смены курса правления («окно в Европу» Петра Первого, правление «просвещённой» Екатерины, правление Безумного Павла, пришедшее ему на смену царствование Александра и т.д.), менталитет приобрел устойчивые выраженные черты.
- 4) Советский период. В этот период шло формирование единого советского менталитета.
- 5) Постсоветский период. Попытки трансформации социально-экономической структуры путем проведения рыночных реформ, которые в итоге не привели к желаемым результатам, вновь обратили внимание исследователей к неформальным институтам в целом и экономической ментальности в частности, а также их детерминирование вектора развития. Это активизировало изучение современной российской ментальности, поскольку именно этот феномен является основой структурных реформ [1].

Систематизированным и целенаправленным исследованием российского менталитета начали активно заниматься исследователи, начиная с 19 века. Именно на 19-начало 20 веков приходится расцвет подобных исследований. До этого подобных исследований как таковых не велось. Характеристики российского народа можно было найти в художественных произведениях, а также в наблюдениях различных путешественников, которые приезжали в страну.

Но уже П. Я. Чаадаев отмечал проявления ярко выраженной противоречивости русского национального характера. Также В. О. Ключевский в т. 1 своего собрания сочинений приводит следующий перечень черт национального характера великоросса [2, с. 315-317.с. 315-317]:

- Осмотрительность и расчетливость;
- Изворотливость в мелких затруднениях;
- Привычка к терпеливой борьбе с невзгодами и лишениями;
- Привык больше оглядываться назад, чем заглядывать вперед;
- Характерна в большей степени осмотрительность, чем предусмотрительность;
- Привык больше замечать следствия, чем ставить цели;
- Привык действовать на «авось»;
- Производит впечатление непрямоты, неискренности;
- Думает надвое, и это кажется двоедушием;
- Характерно кратковременное напряжение сил («аврал»);
- Приемлемость совместной работы на больших пространствах.

Согласно современным подходам основными факторами, повлиявшими на становление российского менталитета, можно считать следующие:

- 1) Природные условия (российская нация формировалась достаточно в суровых географо-климатических условиях, что предопределило развитие многих духовных качеств, например, коллективизма).
- 2) Отсутствие этнической монолитности;
- 3) Геополитическое месторасположение (часть России находится в Азии, а часть России - в Европе, что во многом обусловила ментальность российского народа);
- 4) Христианство и особенно его православный византийский тип);
- 5) Татаро-монгольское иго [3, с. 191-208].

Н. Бердяев считал, что российский национальный дух сложился под воздействием двух противоречивых факторов:

- 1) Влияние православного элемента;

2) Влияние природно-языческого (дионисического) элемента.

Н. Бердяев в результате выделял следующие черты «русской души»:

- Женственность;
- Державность;
- Религиозность (церковность);
- Коммунитарность;
- Соборность;
- Максимализм;
- Антиномичность (противоречивость): подчинение государству

(государственность) и анархическое свободолобие; агрессивный национализм и всечеловечность; жестокость и сострадательность; терпеливость и стремление все получить в кратчайшие сроки; непредсказуемость поведения и склонность к риску и традиционализм и консерватизм; послушание перед властью и стремление к ее ниспровержению [4, с. 100-112].

Итак, приведенными выше характеристиками мы отметили, по сути, два обстоятельства. Первое, неформальные институты, а среди них ментальность имеет первостепенное значение, выступает и началом, и ограничителем любых социально-экономических трансформаций. Проблема состоит лишь в том, чтобы на основании имеющихся генетических свойств народа страны адекватно через институциональную политику *сфокусировать* имеющуюся силу и потенцию к возможно лучшим и более прогрессивным изменениям. «Чутье» народа можно обманывать, но не долго, поскольку «антинародность» реформ очень явственно проявляется даже не в культуре, морали и пр., что и явственно, но трудноизмеримо для убедительности изменений в экономической политике, а в элементарных демографических негативных тенденциях. За последние сто лет население США выросло более чем вдвое, а в то же время «рыночные реформы» и политические процессы в странах бывшего СССР сократили здесь население на десятки миллионов без войны. Правда, реально гражданская война на Украине уже грубо и цинично этот процесс деградации стран и населения под фальшивой риторикой о демократии и пр. возвела в апофеоз. Второе, ментальные свойства изменяются очень медленно, несмотря на желание политиков и пр. что-то принципиально и быстро изменить, руководствуясь даже благими намерениями. Поэтому формальные институты, к которым, как правило прибегают для изменения социальных и экономических стимулов, могут создать блокировочные эффекты или ловушки. В результате европейского образца законы, «хорошие законы» не воплотят тех замыслов, к которым могут прибегать разного уровня реформаторы. Собственно, это случилось и в России, других странах бывшей

социалистической ориентации: показатели экономической и тем более социальной эффективности по многим параметрам не превосходили, а где-то даже ухудшились даже по сравнению с восьмидесятыми годами прошлого столетия. Например, это относится к показателям производительности труда, энергоемкости, капиталотдачи, продолжительности жизни и пр. Таким образом, зависимость от более глубокого предшествующего исторического общинно-капиталистического развития прошлых столетий России дополнилась определенным историческим опытом поколений советского периода, который, в свою очередь, столкнулся в противоречии с негативной практикой текущих преобразований на основе имплантированной рыночной идеологии ценностей Запада периода 18 века. Собственно, такой «решительной» политики требует глобализация, которая пытается унифицировать мир-экономику, растворив национально-исторические особенности в неких «общих» культурно-экономических ценностях.

Но при сопоставлении ценностей систем «западной» американской и «восточной» - российской хозяйственной культуры оказывается, что они не только не совпадают, но и противоречат друг другу. Безусловно, это создает не только условия для конфликтов в социально-экономических отношениях между различными слоями и классами общества, но и к размытости в массовом и индивидуальном сознании ориентиров и ценностей, которые крайне нужны для формирования общности страны как единого целого, а также для определения критериев мотивации и стимулов трудовой активности. По сути, сегодня исчерпал себя вульгарный тезис о том, что «сам хозяин» лучше знает, как стимулировать и влиять на работника для повышения активности последнего и для его творческой активности. Ведь как раз-таки различные формы и системы заработной платы, системы поощрения и стимулов были созданы в период поиска оптимальных партнерских отношений между капиталом и трудом как ведущих экономических феноменов. А частная собственность была здесь всего лишь как институциональная предпосылка, условие.

Таблица 1

Структура ценностей в западных и восточных культурах [5]

Приоритет ценностей	Западные культуры	Восточные культуры
Имеют первостепенное значение	Индивидуальность Иерархия власти Мужественность Деньги Пунктуальность Первенство, активность Уважение к молодежи Национальность Человеческое достоинство Эффективность и качество работы Религия Образование Непосредственность	Материнство (женственность) Иерархия власти Мощь государства Мир Скромность Коллективизм Уважение к старшим Гостеприимство Сохранение среды Национальность Святость пахотной земли Патриотизм Авторитаризм

Ценности второго уровня	Материнство Патриотизм Авторитаризм	Уважение к молодежи Равенство женщин Человеческое достоинство Образование Самовыражение
Ценности третьего уровня	Мощь государства Мир Сохранение среды	Индивидуальность Деньги (богатство) Пунктуальность Активность Эффективность и качество работы

Причины отличий ментальных свойств двух хозяйственных культур самые разные и мы не ставим задачу их раскрытия. Скорее всего, религиозный и территориальный аспекты здесь являются доминирующими. Но мы хотим обратить внимание на то, что в русской традиции коллективно-общинные, хозяйственно-культурные свойства являются доминирующими (см. табл. 1 и 2). Русский воспринимает мир не из индивидуально-эгоистического, а из коллективно-общинного, что отражено и в народном эпосе, пословицах и поговорках: «Все от Бога», «Ваша воля – наша доля», «Что ни делается - все к лучшему», «Живи, ни о чем не тужи, проживешь - авось еще наживешь», «Беден, да честен», «Заработанный ломоть лучше краденого каравая» и др. Русские ценности представляют собой ценности самодостаточного зрелого народа, который спокойно относится к достижениям других и особенно к материальному богатству. По крайней мере, история не знает ни одной войны, которую бы навязал русский народ, стремясь к материальному богатству. А ведь война это тоже весьма специфическая форма перераспределения богатства.

Конечно, ценности и приоритеты с течением времени и под воздействием различных обстоятельств изменяются. Но ментальные свойства изменяются крайне медленно. В 1995 г. социологи провели исследование по методике США. Результаты, зафиксированные в таблице 2 показали, что ценности россиян к текущему моменту изменяются, сочетая в себе ценности традиционные и привнесенные современными событиями. В качестве приоритетных остались значимость мира, влияние культуры, гостеприимство, оценка значимости государства, уважение к старшим, патриотизм, святость пахотной земли. Изменилось положение ценности коллективной ответственности, переместившись из значимости первостепенной в разряд ценностей третьего уровня. Однако началось больше цениться и человеческое достоинство, эффективность работы, пунктуальность, личный успех и пр. Денежный успех однозначно не отождествляется успехом личным вообще. Что касается данной ценности, то ее значение неодинаково для европейской культуры хозяйствования и американской. Например, и там и там «деньги имеют значение». Но если для европейцев деньги имеют важное значение для достижения более широкой стратегии – человеческой жизни и достижения жизненных целей и установок, то для американской общности деньги имеют значение ради оценки жизненного успеха, который выражается в деньгах [6].

В русской ментальности нет агрессивности и стремления к глобальной жесткой имперскости. Их имперскость определяется тем пространством и временем, которые гарантируют элементарную выживаемость и стремление к воле. Не к свободе в традиционном западном оформлении, а к воле, которая ассоциируется где-то с отношением не нарушить и чужую свободу.

Недавно проведенные исследования по Беларуси позволили сделать, по крайней мере, несколько выводов. Первое. Ментальность является исторической памятью, «программным кодом», определяющим основные установки, стереотипы и инстинкты поведения как населения страны в целом, так и политической элиты. И именно эти свойства лежат в основе хозяйственной деятельности и ее особенностях политики реформ в различных странах. Это означает, что вопросы влияния неформальных институтов на проведение стратегии рыночной реформы в наших странах сильно недоучитываются в политике реформ. Второе. Противоречие ментальных свойств и формальных институтов является основным противоречием современной рыночной реформы. Речь идет о том, что политико-правовые институты, которые, как правило, импортируют из-за рубежа, не являются адекватными для реализации внутренних интересов и мотивов различных социальных групп и классов. Не проводится «селекция и выращивание» тех институциональных норм, вытекающих из внутренних исторических традиций и отношений стран, получивших формальную независимость, но испытывающих проблему реального национального политико-экономического самоопределения. Третье. Конкретно проведенное исследование по показателям дистанция власти, индивидуализм/коллективизм, избегание неопределенности, долгосрочная ориентация, маскулинность/фемининность показывает на их статичность в Беларуси, хотя уже реформа длится около трех десятков лет. Итогом этого является крайне скромная результативность проводимых современных рыночных преобразований.

Таблица 2

Структура ценностей россиян [7]

Приоритет ценностей	Ценности	% от числа опрошенных
Ценности первостепенной важности	Человеческое достоинство	83.1
	Мир	76.7
	Эффективность работы	63.6
	Сохранение среды	64.8
	Индивидуальность, личный успех	57.2
	Гостеприимство	48.7
	Материнство	57.2
	Пунктуальность	50.0
	Образование	43.6
	Активность, настойчивость	42.5
	Мужественность	36.4

	Мощь государства	36.0
	Патриотизм	31.8
	Святость пахотной земли	32.3
Ценности второстепенной важности	Богатство	19.9
	Равенство женщин	23.3
	Первенство	15.3
Ценности третьего уровня	Религия	20.3
	Коллективная ответственность	15.7
	Иерархия власти	13.1

Четвертое. Для Республики Беларусь характерно выше среднего (можно сказать умеренный) уровень дистанции власти, низкий индивидуализм, высокий уровень избегания неопределенности, умеренная степень маскулинности, умеренный показатель конфуцианского динамизма. Согласно данной методике Республика Беларусь занимает промежуточное положение между Западом и Востоком, немного ближе к Востоку. Эти показатели незначительно отклоняются от показателей ментальных свойств российских граждан (см. рисунок ниже), что делает возможным интеграционных процессов осуществлять более эффективно и непротиворечиво. Другие методики, (например, методика Тромпенаарса) позволяет определить экономическую ментальность в динамике: универсализм vs. партикуляризм, специфичность vs. диффузность, индивидуализм vs. коммунитарность, достигнутое vs. предопределенное, последовательность vs. синхронность, внешний контроль vs. внутренний контроль (я и окружение), аффективность vs. нейтральность. Согласно данной методике Республика Беларусь и Россия также находятся между Западом и Востоком, ближе к нерыночному менталитету. Также осталось нерыночное отношение к собственности: люди рассматривают отношение к собственности в первую очередь с позиции потребления, а не получения денежного дохода. Что касается оценки мотивов людей, то здесь также противоречивая ситуация. За последние десятилетия отмечается позитивный сдвиг, в таких фундаментальных мотивах людей, как правопослушание, риск, любознательность, традиционализм и т.д. в сторону рынка. В ряде других мотивов – тяга к независимости, чувство защищенности, мотивов поведения «проголосовала» не в пользу рынка. Следует сделать вывод, что хозяйственная культура белорусов и россиян, в принципе, допускает освоение модели «рыночного хозяйства», но только не в классической «западной» версии. Действительно, здесь есть собственные «социально-институциональные накопления», отличные от других стран и народностей. И в этом нет никакого противоречия исторического развития – собственный велосипед истории надо изобретать.

Оценка некоторых ментальных свойств ряда стран также показывает возможности эффективных интеграционных процессов. Вполне логичными являются выводы

относительно того, страны, у которых будут незначительные отклонения по этим показателям, будут осуществлять свои интеграционные процессы более эффективно. Конечно, график, помещенный снизу, не указывает на различия ментального поведения «политических элит». Как показывает мировой опыт, понятие «державности» и «государственного интереса», к сожалению, во многих странах не являются признаками, которые так необходимы национальным политическим элитам.

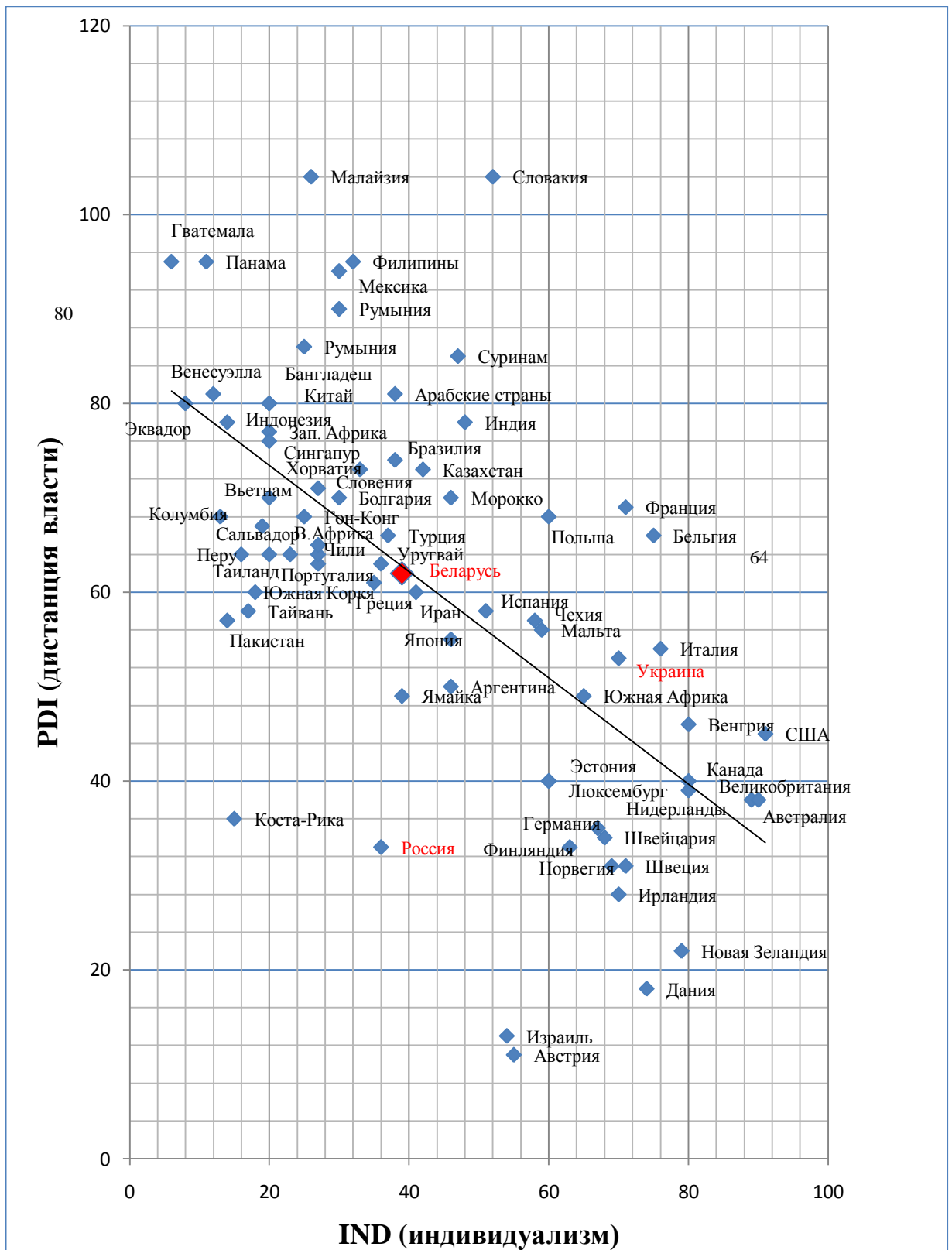

Рисунок - Корреляционное поле стран по признакам индивидуализма и дистанции власти [8]

Литература

1. Лемещенко П.С., Сидорова А. М. Неформальные институты и рыночная реформа в Беларуси: эволюция, противоречия, стратегия. Мн.: Мисанта, 2013. – 112 с.
2. Ключевский, В.О. Собрание сочинений: в 9 томах. – Москва: «Мысль», 1987-1990. – Т.1: Курс русской истории.
3. Кукоба О.А. Доминанты российского национального менталитета // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. гуманитарные наук. – 2004. – № 2.
4. Бердяев, Н.А. Судьба России [Электронный ресурс]. – Гл. 1 Психология русского народа. Душа России. – С. 5-26. – Режим доступа: <http://www.lib.eparhia-saratov.ru/books/02b/berdiaev/berdiaev1/berdiaev1.pdf>. – Дата доступа: 06.12.2013.с. 100-112; 75, с. 5-26; Розов, Н.С. Российский менталитет: наиболее конструктивные концепции и их критика / Н.С. Розов // Мир России. – 2011. – № 1.
5. Каган М.С. Философская теория ценностей. СПб, 1997.
6. Альбер М. Капитализм против капитализма / М. Альбер. – СПб.: Эконом. школа, 1998. – 296 с.
7. Крокинская О. К. О различии ценностных систем разных культур // Петербуржцы (Этносоциальные аспекты массового сознания). Социологические очерки. СПб, 1995.
8. Сидорова А. М. Экономическая ментальность как субстанция развития интеграционных процессов стран таможенного союза / Дис. маг. экон. наук. – научн. рук. проф. П.С. Лемещенко. – Мн.: БГУ, 2014. – 128 с.

Лемещенко Петр Сергеевич, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики, докт. экон. наук, профессор;
(220030, комн. 203, 410, кафедра теор. и инстит. экономики, эконом. факультет, Белорусский государственный университет,
пр-т Независимости, 4, г. Минск, Республика Беларусь; тел.: сл. 222 35 93, 222 36 01;
адрес дом.: 220100, д. 78, кв. 493, ул. М. Богдановича, Минск, т/факс 331 96 64;
e-mail: индивидуальн. - liamp@bsu.by; кафедры - caftiec@bsu.by